

М.И. ЧЕРЕМИСИНА

О НЕКОТОРЫХ ТИПАХ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ, НЕ ВПОЛНЕ ОТВЕЧАЮЩИХ ПОНЯТИЮ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ*

В современной синтаксической теории традиционное представление о двухполярных типах конструкций предложения – простого и сложного – постепенно сменяется представлением о шкале простоты – сложности. Уже сейчас широко признаны по крайней мере три “градуса” этой шкалы, соответствующие простому, осложненному и сложному предложению. Но это тринарное представление по самой своей природе не может быть долговечным – с течением времени оно обречено превратиться в континуальное, где сами исследователи будут осознанно задавать критерии, позволяющие определять меру как структурной, так и семантической “непростоты” того или иного синтаксического построения, той или иной предложенческой формы.

Проблема меры, количественной характеристики того или иного “градуса” шкалы, по необходимости оказывается сопряженной с качественной оценкой природы того компонента, который переводит конструкцию из ранга простых в ранг непростых или из ранга n в ранг $n+1$, будь это в рамках общего представление о простом, осложненном или сложном предложении.

Работа, которая идет в этом направлении, очень быстро и наглядно показывает, что за понятием “осложненное предложение” скрывается экстенционал, не соответствующий интенционалу, то есть объем понятия не соответствует некоторому явно заданному набору признаков, определяющих релевантное с данной точки зрения качество объекта, мера которого подавалась бы измерению.

Теоретическое прояснение содержательной стороны (интенционала) понятия “осложненное предложение” (а, соответственно, и “категория осложненности”) представляется мне весьма актуальным, и прежде всего с точки зрения тех практических задач, которые давно уже стоят перед специалистами по языкам народов Сибири. Необходимо создавать современные грамматические описания этих языков – тюркских, бурятского, тунгусо-маньчжурских, обско-угорских и самодийских. И если их фонетика и морфология как-то уже описаны, то синтаксис почти совсем не осмыслен и не описан.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ – грант № 00-04-00004а.

Осложненное предложение в современных грамматиках самых разных языков остается пока таким “остаточным” классом конструкций, куда зачисляются все конструкции предложения, не соответствующие тем представлениям и ожиданиям, которые связываются как с термином “простое предложение”, так и с термином “сложное предложение”.

А с термином “сложное предложение” у большинства лингвистов связывается прежде всего представление о конструкциях, построенных из двух предикативных частей, каждая из которых воспроизводит структуру простого предложения данного языка, соединяются же эти части при помощи “служебных слов”, а точнее – функтивов, состоящих из одного или нескольких графических слов и условно называемых “союзами” (в это число включаются и некоторые частицы, и “аналоги союзов”, и “союзные слова”). Этому типу сложных предложений, сложноподчиненных и сложносочиненных, в европейских языках принадлежит центральное место в общей системе.

Но в агглютинативных языках Сибири таких предложений нет или почти нет. Описывая те конструкции, с помощью которых в этих языках выражаются отношения между событиями (пропозициями, составляющими содержание объединяемых в высказывании предикативных частей), мы использовали понятие полипредикативной конструкции, которое трактовалось как родовое, позволяющее объединить предложения, с нашей точки зрения сложные, и предложения “не вполне сложные”. При этом сложное предложение мы рассматривали не по аналогии с “классическим” европейским, а в соответствии с содержательным структурным требованием наличия в каждой части собственного предикативного узла, одночленного или двучленного. Тем самым был выделен специфический класс алтайских конструкций предложения, который мы “своей волей” отнесли к сложным, тогда как предшествующая традиция склонялась к пониманию их как осложненных.

Споры, а точнее, разногласия по этому поводу еще продолжают, но в сознание специалистов уже внедряется понимание терминологического, а не сущностного характера этих разногласий. Но, конечно, речь идет не просто о том, где удобнее, целесообразнее провести “административную”, то есть искусственную границу между сложными и “не вполне сложными”, то есть осложненными предложениями.

Исследования, уже выполненные в области сложного предложения в алтайских языках, отчетливо показали, что в этих конструкциях, которые мы назвали синтетическими сложными предложениями, связь предикативных частей осуществляется без помощи аналитической скрепы,

служебного слова или группы слов, объединяющих формально “самостоятельные” предложения. Эту роль берут на себя зависимые формы сказуемого в составе зависимой (придаточной) предикативной части.

Синтетические полипредикативные конструкции характеризуются такими признаками, которые дают основание ставить вопрос о разных степенях сложности.

Мы выделяем следующие типы таких конструкций:

1. Сложные предложения, выражающие темпоральные, каузальные (причинные, целевые, условные, уступительные), заместительные, сопоставительные, компаративные и некоторые другие типы отношений между событиями. Это такие отношения между двумя событиями (пропозициями), когда одно из них предстает как обстоятельство, под определенным углом зрения характеризующее второе событие. В другой системе классификации их можно было бы назвать сложными предложениями с придаточными обстоятельственного типа. В русистике их называют также “предложениями расчлененной структуры”.

Эти алтайские сложные предложения ближе всех остальных к “европейскому” (и русскому) сложному предложению. На основании ряда формальных признаков их можно оценить как “более сложные” по сравнению с другими.

2. Сложным предложениям “нерасчлененной структуры”, придаточная часть которых относится к главной части в целом, противопоставлены, как и в русском и других европейских языках, два типа предложений расчлененной структуры с присловными придаточными (или зависимыми предикативными единицами – ЗПЕ). Один из них составляют предложения с изъяснительной зависимой частью, второй – предложения с определительной зависимой частью (изъяснительные и определительные сложные предложения).

2.1. В составе сложных предложений расчлененной структуры зависимая часть (ЗПЕ) подчиняется предикату главной части, – это, в частности, изъяснительные сложные предложения. Предикат управляет зависимой ПЕ, требуя от ее сказуемого определенного падежа. Предикат обычно выражается глаголом, но возможны и некоторые другие грамматические ситуации – ср., например, алт. *буру=лу* ‘виноват, быть виноватым’, букв. ‘имеет вину, имеющий вину’ – в чем? (управляет местным падежом дополнения-актанта или ЗПЕ). И глагольные, и именные предикаты в этой конструкции выступают в формах предикативного склонения (глагольные формы расцениваются как причастные).

2.2. В составе определительных сложных предложений ЗПЕ может относиться к любому имени существительному, определяя его. Грамматическая зависимость между определяющим и определяемым может получать выражение в конструкциях изафетного типа (быть изафетной) или примыканием.

Замечу попутно, что в ЛЭС термин “изафет” трактуется только как конструкция, – то, что эта конструкция строится на особой синтаксической связи, здесь не отмечается. Я использую этот термин и для обозначения типов связи между определяющим и определяемым, между первым и вторым именами в этой конструкции.

Который из этих двух типов более, который менее сложен, сейчас ставить и обсуждать нет необходимости, – ответ зависит от выбора критериев. Я думаю, что оппозиция этих конструкций не должна сводиться (не сводится) к измерению степеней сложности, что вообще тут дело не в мере сложности, а в качестве этих конструкций. Однако в каждой из этих групп конструкций четко прослеживаются свои “ступеньки сложности”, в том числе и такие, которые не имеют близкой аналогии среди сложных и “не вполне сложных” предложений с обстоятельственной зависимой частью.

В сфере изъяснительных предложений с управляемой зависимой частью, есть предложения разносубъектные и моносубъектные, то есть такие, в которых субъект обеих частей общий (а тем самым мера сложности меньше). Моносубъектные представлены и в первом типе, где они даже более обособлены. Но специального внимания заслуживает та разновидность изъяснительных полипредикативных конструкций, в составе которой зависимая ПЕ как целое входит в состав главной ПЕ в качестве ее “предикативного подлежащего”. Тем самым главная часть в принципе не может иметь “другого” подлежащего. Например: алт. *Сенин келгенин мени кайткан* ‘То, что ты пришел, меня удивило’.

Согласно принятому критерию, такие предложения нельзя оценить как сложные. В сложном каждая часть должна содержать свой предикативный узел, а здесь зависимая ПЕ входит в главную как компонент ее предикативного узла. Но это предложение и не простое – ведь его подлежащее “содержит” свое подлежащее и свое сказуемое. Осложненным его тоже не называют. Какое оно?

Класс определительных конструкций в алтайском языке, как и в других тюркских языках, представлен довольно широким ассортиментом синтаксических форм. Среди них несколько типов предложений: и синтетические, и аналитические, со служебным словом *деп*, на которых

сейчас останавливаться не будем. Выявляется и несколько таких конструкций, которые не отвечают строгому требованию сложности, не будучи, однако, монопредикативными. Их можно было бы оценить как осложненные. Поскольку же таких конструкций не одна, но минимум три, мы остановимся на них подробнее. Мы постараемся показать, какие признаки отличают каждую из них, и обсудить вопрос о том, можно ли говорить о “ранговых” отношениях между ними.

Я имею в виду следующие конструкции:

1. Предложения, содержащие причастный определительный оборот и традиционно оцениваемые как осложненные.
2. Моносубъектную определительную конструкцию, которая существенно отличается от обстоятельственных и от изъяснительных моносубъектных конструкций.
3. Конструкцию предложения, содержащую причастный определительный “квазиоборот”, существенно отличающийся от обычного определительного оборота, хотя внешне очень похожий на него.

1. Предложения с причастным определительным оборотом

Предложения, осложненные причастным определительным оборотом, в тюркских языках отличаются от сложных предложений с определительным придаточным тем, что определяемое причастием имя существительное, одно или с зависимыми словами, составляющими оборот, независимо от своей собственной грамматической формы, падежной или падежно-последовательной, всегда представляет или компенсирует подлежащее глагола-причастия, элиминированное из поверхностной структуры предложения.

Если причастное определение не имеет показателя страдательного залога, определяемое имя интерпретируется как субъект названного причастием действия. Например: *Ол ийт чилеп эженин турган кызыкчак эмди химический наукалардыг кандидады* (АА, JTJ, 18) ‘Та девочка, которая плавала по-собачьи, теперь кандидат химических наук (букв.: (та) плававшая по-собачьи (девочка))’.

Здесь (*ол*) *ийт чилеп эженин турган (кызыкчак)* – оборот, т.е. словосочетание, которое можно преобразовать в предложение, если ввести в него определяемое имя в качестве подлежащего, – причастие тем самым автоматически преобразуется в финитную форму глагола: *Ол кызыкчак ийт чилеп эженин турган* ‘Та девочка плавала по-собачьи’.

Еще примеры:

Чуйдын јолында көрүнип келген машиналар улустарга солун болгон (Кокышев) ‘Машины, которые стали видны на Чуйском тракте, людям были интересны (новы)’; *Тонголок састарга амырарга түшкен турналар айланжып, бакалар кетежит басып јүрдилер* (Кокышев) ‘Журавли, опустившиеся отдохнуть на еще не замерзшие болота, караулили лягушек’.

Если же причастие образовано от глагола с показателем страдательного или каузативного залога, то определяемое имя представляет объект причастного действия, который в простом предложении был бы выражен не дополнением, а подлежащим. Например: *Мөндүрге соктырткан балдар оттын јанында отурдылар* ‘Побитые градом дети сидели у огня’.

Общим для всех причастных определительных оборотов является то, что в их составе не может быть подлежащего. Подлежащее отсутствует здесь не только как компонент поверхностной структуры, но и как позиция, которую оно могло бы занять. Подлежащее невозможно здесь в силу того, что оно не “опущено”, а замещено определяемым именем. Глагол, становясь причастным определением, как бы “поворачивает” свою подлежащую валентность слева направо, и валентность глагола замещается ориентацией причастия на определяемое им имя. В процессе понимания фразы замещение раскрывается, подобно скобкам, и в предложении не остается никакой неполноты, которую могло бы заполнить существительное-подлежащее.

Конструкция с причастным оборотом – самая простая из трех, которые мы должны рассмотреть. Она ближе всего к простому предложению – после, конечно, конструкции предложения с простым, одиночным причастным определением. Предложения, содержащие причастные обороты рассмотренного типа, следует, по-видимому, считать осложненными.

Осложненные предложения я считаю принадлежащими классу предложений, промежуточных между простыми и сложными. Поэтому термин “простое осложненное предложение” мне представляется неправомерным – осложнение лишает конструкцию предложения того качества, которое подразумевается словом “простое”.

2. Причастный квазиоборот

Причастным квазиоборотом я называю третью определительную

конструкцию, вхождение которой, не оставляя предложение простым, не дает очевидных оснований к тому, чтобы считать его сложным. С моей точки зрения эта конструкция, которая традиционно приравнивается к определительному причастному обороту, в действительности значительно ближе к зависимой предикативной единице, а соответственно, включающее ее предложение могло бы претендовать на статус сложного, разумеется, синтетического определительного предложения особого типа.

Этот тип предложений можно представить следующими примерами: *Клубтан экелген узун диван-тактада тыгыш отурган улустын ортозынап орто јашту чон кара эр туруп чыкты* (Каинчин) ‘Из середины людей, плотно сидевших на узком диване-тахте, который принесли из клуба (традиционный перевод: ‘принесенном из клуба’), поднялся средних лет смуглый, крепкий мужчина’.

В структуре причастного определения – *клубтан экел=ген (диван-такта)* – нет никакого указания на страдательную семантику. Но между действием *экел=* ‘принести, привезти, привести’ и предметом (диван) невозможно помыслить субъектно-предикатные отношения, тогда как объектно-предикатные, характерные для страдательных конструкций и для конструкций стательного пассива, где устраняется представление о субъекте, иницирующем действие, направленное на объект, реконструируются естественно и легко. Сравним рус.: *дверь открыта, окно закрыто, стул сломан, чашка разбита, книга написана, здание построено* и др.

Такие русские конструкции образуются естественно и легко – разумеется, с учетом ограничений на видо-временные характеристики глаголов. Это позволяет широко использовать их в литературном переводе тех определительных конструкций тюркских языков, о которых сейчас идет речь. Этот перевод совершенно правилен “ситуативно”, вполне удовлетворителен семантически, но он **не грамматичен**.

Как грамматисты, мы обязаны отдавать себе отчет в том, что в оригинале нет страдательных форм – и не должны брать на себя утверждение о том, что в определительных конструкциях причастия амбивалентны относительно действительного и страдательного залогов, то есть формы действительного залога в этой синтаксической функции выражают как действительные, так и страдательные залоговые значения.

Действительная грамматическая ситуация с этими конструкциями значительно сложнее. Она заслуживает специального целенаправленного исследования с учетом всех залоговых форм, которого я пока не про-

водила. Но и сейчас, до такого исследования, можно сказать, что если бы действительно имела место амбивалентность причастных определений (потому что об амбивалентности причастий в других функциях вопрос не стоит), то не было бы потребности в использовании в роли определений самих страдательных причастий, то есть причастных определений с аффиксом =л. А они используются, когда говорящему это важно: *Качан да чыг=ыл=ба=ган јерге, бу мындыг бийикке, чыгарга келишкен* (Каинчин) 'Пришлось подняться (букв.: выйти) на такую высоту, на такое место, которое никогда (никем) не было достигнуто'. Точный перевод глагола *чыг=ыл=* затруднителен, но очевидно, что по отношению к этому определяющему причастию (в потенциальном предложении – глаголу-сказуемому) существительное *јер* является подлежащим-объектом (*достигнутое место – место достигнуто, но не место достигнуло чего-то*). Сразним: *Качан да чыкпаган јер=им=е ого чыгарга келишкен* 'Ему пришлось выйти на место, куда (на которое) я никогда не выходил'.

Здесь между причастным действием и определяемым именем нет ни субъектных, ни прямообъектных отношений. Поэтому перевод с помощью конструкции статального пассива так же невозможен, как и с помощью активного причастного оборота. Но в оригинале отношения определяющей и определяемой форм, как мне кажется, совершенно прозрачны, они подчиняются общей закономерности: причастие выражает "обычное" активное действие, субъект (источник) которого по тем или иным причинам остается неназванным.

Еще пример с использованием причастных определений, маркированных специальными залоговыми показателями:

Јендеп чыккан кайчыга бир ат берерим, јен=дир=ип койгон кижиге јүс камчы болзын (Суразаков) 'Тому кайчы, который выйдет победителем (победившему), я дам лошадь, тому, который даст себя победить (побежденному) пусть будет сто плетей'.

Здесь использован страдательный оборот с формой каузативного залога (страдательное значение у этой формы реализуется при отсутствии в предложении прямого дополнения с семантикой 'себя' – 'человеку, который даст победить').

Причин, в силу которых субъект действия, названного действительной формой глагола, может не указываться, как известно, две: во-первых, он может быть известен из предшествующего контекста или из ситуации, а во-вторых, он может устраняться как несущественный с

точки зрения данной коммуникации (при этом безразлично, известен он говорящему или нет).

Приведу пример, где субъект причастного действия легко восстанавливается из контекста: *Бу мынызы ончозын Москванан Киндик экелген. База садын алган немелер кийнинег почтала келер* (Каинчин) 'Все это Киндик из Москвы привез. Еще (другие) вещи, которые (он) купил вслед за ними, потом по почте придут'.

Здесь, как мне кажется, особенно наглядна активная, "действительная" семантика причастия – а, тем самым, контекстуальная неправомерность перевода пассивом (*купленные вещи – о вещах, купленных именно Киндиком*).

В примере, который был приведен первым, речь шла о диване, который, конечно, был принесен кем-то. Но там было несущественно, кем именно, это никак не уточнялось и в контексте. По-русски такая семантика передается обычно не страдательными формами сказуемого, а неопределенно-личными формами предложений, где позиция подлежащего пуста, а сказуемое принимает форму 3 лица мн. числа. Приведу еще примеры подобных построений:

Канча берген јакылтаны бүдүрбеди (Каинчин) 'Сколько поручений, которые (ему) давали, не исполнил'. Сравним: "... поручений, которые ему давались" – по смыслу близко, но грамматически неправомерно. *Ол чочконын тиле-тиле кезип салган јузын база јарым булка калашты үчинчи полказында энчийип, эки колын салактадын алган Лазарьга туттурды* (Адаров) – Он свиное сало, которое тонко нарезали вдоль (литературный перевод, естественно, требует "нарезанное") и полбулки хлеба вложил Лазарю, который с третьей полки наклонившись, свесил обе руки; *Ол чойдон ургандый, чон кижги* (Каинчин) 'Он крепкий человек, будто из чугуна вылили (его)'. В литературном переводе, конечно, должно быть *будто вылитый из чугуна*. Здесь определение – модально-сравнительное причастие на =гандый в форме действительного залога.

Менее прозрачными выглядят отношения, которые возникают с причастными определениями в формах на =атан и особенно на =р. Рассмотрим сначала пример, где рядом употреблены конструкции с определениями в формах на =ган и на =атан:

Јара чаап салган јанырыктар, аяк салатан агаиш шкап оттын айагында јаттылар (Кокышев) 'Скамейки, которые порубили, деревянный шкаф, куда ставят чашки, лежали около огня'. Здесь вполне допустим перевод 'порубленные скамейки', но второй оборот такого поворота не допускает в силу отсутствия прямообъектных отношений между оп-

ределяемой формой *айак салатан*, в составе которой уже есть прямое дополнение ('*чашки ставит / ставят / ставить можно, нужно*') и определяемым именем *шкап*. Ср.: *Бис бу шкапка айак салатаныс* 'Мы в этот шкаф (обычно) ставим чашки'.

Здесь семантическая противопоставленность причастных определенных полностью мотивирована значениями самих форм: окказиональное, конкретное действие в отношении скамеек (их порубили) в форме на =*ган* – и регулярное, обычное действие над чашками, которые ставят в шкаф – в форме на =*атан*.

Следующий пример в этом отношении сложнее:

Энди үредүчиниг шүүлтези: учетный карточкага бичийтен кату жакылта (Каинчин) 'Теперь предложение учителя: строгий выговор, который записывают (следует записать? должны записать?)' Ср.: записывается? должен быть записан, будет записан? в учетную карточку.

Возможностей перевода много, но грамматическая точность требует здесь активных форм, которые соответствуют неопределенно-личной форме потенциального предложения, к которому "восходит" причастная определительная конструкция.

Известно, что форма на =*атан*, наряду с семантическим компонентом общности действия, включает и компонент долженствования, ориентированный в план будущего. Но при этом активная, "действительная" ориентация глагола не меняется. В русском языке адекватных переводящих глагольных форм нет. Поэтому определенное семантическое искажение оригинала, видимо, неизбежно. Когда мы говорим – *выговор, который записывают, запишут* – модальности долженствования в этих формах нет, а должен быть записан – такая модальность есть, но оно сопряжено с компонентом пассива. чего нет в оригинале; а *следует записать* – безличный оборот, которого тоже в оригинале нет. Я считаю, что эта алтайская конструкция наиболее адекватное соответствие получает в той же неопределенно-личной конструкции, которая в грамматическом отношении точнее всего передает семантику рассматриваемых причастных оборотов с глаголами действительного залога.

Причастие настояще-будущего времени на =*р* при отсутствии подлежащего, указывающего на субъект этого действия, регулярно приобретает семантику предназначенности объекта для данного действия и переводится с помощью инфинитива. Например:

Жайлуда жаан улусты үредер школ ачылган (Кокышев) 'В Дьяйлу открылась школа (в которой будут/должны, которая предназначена для то-

го, чтобы) учить взрослых людей'; *Отко салар одын жок, сузуп ичер суу жок, бу не жадын?* (Кокышев) 'Дров (которые можно, для того чтобы) положить в огонь нет, воды (которой можно) утолить жажду, нет – что это за жизнь?'; *Конор-жадар да јер жок... Комудаар да јер жок, болужар да кижји жок* (Адаров) 'Нет места (где можно) жить; Нет места (куда, где можно) пожаловаться, даже нет человека, (кто мог бы) помочь'.

Такого рода модальные и временные значения, по-русски эксплицируемые словами, а имплицитно заключенные в инфинитиве, в семантике самой алтайской формы причастия будущего времени на =*р* представлены более явно. Для нее семантический компонент долженствования и возможности так же органичен, как темпоральный "будущее". Я вижу здесь и компонент "неопределенно-личности", которую можно и нужно выявить и показать. При переводе она неоправданно подменяется грамматическим значением безличности, которое присуще русской конструкции с предикатами можно и нужно, должен и следует. В тюркском оригинале, как мне кажется, этого момента нет.

Је карындаштар, јүрүмле, салымла ойноор ой өткөн (Төлөсөв) 'Но, братья, прошло время играть жизнью, судьбой / Но, братья, прошло то время, (когда можно было) играть жизнью, судьбой / Но, братья, прошло время, когда играют жизнью, судьбой'.

Если я права, то предложения эти смыкаются со сложными, отличаясь от них лишь имплицитностью представления о субъекте. Но этим "лишь" все же нельзя пренебрегать в грамматическом описании.

3. Моносубъектная определительная конструкция

Моносубъектная определительная конструкция понимается нами как такое полипредикативное предложение, предикативные части которого ориентированы на одно, общее для них подлежащее (или на общий субъект, который может быть выражен как именами существительными или местоимениями, так и просто личными показателями самих сказуемых).

В сфере определительных конструкций моносубъектность проявляет себя иначе и имеет иную значимость по сравнению с полипредикативными конструкциями как изъяснительного, так и обстоятельственного типа. Дело в том, что сам синтаксический механизм определительных конструкций существенно иной, чем в других типах сложных и, шире, полипредикативных предложений. Здесь иные и внутренние, и внешние связи форм.

В основе всякого определительного отношения лежит связь двух ситуаций, основанная на референционном тождестве двух имен, подразумевающих одного и того же участника двух разных ситуаций (пропозиций): с ним происходит что-то одно – и с ним же – что-то другое. Определительная конструкция – это прекрасное формальное средство, позволяющее “компрессировать” информацию, сжать два предложения, говорящие о разных событиях, в одно предложение, представить две ситуации как одну. Естественно, такое предложение уже не может быть монопредикативным и монопропозитивным.

Этот синтаксический механизм связан с устранением из структуры итогового предложения вторичного названия общего компонента двух базовых предложений. В этом состоит определенная общность между определительной конструкцией, сложной и не вполне сложной, и моно-субъектной полипредикативной конструкцией обстоятельственного или изъяснительного типа и там, и там происходит сжатие, уплотнение информации за счет устранения повторного именованного субъекта двух действий (событий, пропозиций). Разница же между ними состоит в том, что в моносубъектной (МС) конструкции этот компрессируемый компонент – всегда подлежащее, а в определительной этого ограничения нет.

Как мы только что видели, с элиминацией подлежащего связана конструкция с причастным оборотом. Однако даже в этой конструкции вовсе не обязательно отождествляются именно субъекты двух пропозиций, хотя и это тоже возможно. Например:

Одынды, сууны үйде отурган улус экелзе кайдаар? (Кокышев) ‘Дров, воды дома сидящие люди принесли бы (почему не принести им дров, воды)’. Здесь слово *улус* – подлежащее основной части предложения, и оно же – субъект зависимой пропозиции: “дома сидящие люди” = (эти) люди сидят дома.

Но в следующем предложении это уже не так: *Кажсы ла уул ого јарап турган кыстын јанына отуарга кичеенип јат* (Адаров) ‘Каждый парень старается сесть рядом с девушкой, которая ему нравится’.

Слово *кыс* было бы подлежащим в предложении со сказуемым *јара* = ‘нравиться’, – ср. в переводе: которая нравится. Но оно как раз из поверхностной структуры устранено, а его референт представлен в ней только косвенной формой, в составе изафетной конструкции, в сочетании со служебным именем. Подлежащее предложения – слово *уул* ‘парень’.

Таким образом, в определительных моносубъектных (МС) конструкциях, за исключением рассмотренного выше случая, когда общий

референт представлен общим для двух частей подлежащим, референтно совпадают участники двух ситуаций, роли которых в этих ситуациях не совпадают. И на первое место по значимости выдвигаются отношения между этими двумя ролями – предмета, участвующего в двух ситуациях.

Каждая из этих ролей определяется отношением имени этого участника к предикату: в одном случае – к эксплицитному предикату главной части, к сказуемому предложения в целом, в другой к предикату определяющей части, эксплицитно выступающему как определяющее причастие. Это могут быть роли подлежащего и дополнения, или роли двух дополнений, как однотипных (например, прямое дополнения при разных переходных глаголах), так и разнотипных (например, прямое дополнение в главной части и имплицитно косвенное в зависимой). Например:

Ол кандый да тыйрык оромло айланьжып, учы-учында машинадан түйшкен јерине ојто келет эмезе кандый да суунын јарадына чыгып келет (Кокышев) ‘Она, кружась по каким-то улицам, то в конце концов возвращается на то место, где (на котором) с машины сошла, то выходит на берег какой-то речки’.

Здесь общий субъект МС ППК, источник всех действий – “она”, Арина: она кружится по улицам: выходит то туда, то сюда, она же перед этим сошла с машины. Вся фраза явно моносубъектна. Но причастная конструкция в ее составе не является обычным причастным оборотом. Хотя причастие и не имеет здесь своего подлежащего, позиция подлежащего при нем остается, поскольку с определяемым именем – а определяемое имя здесь – слово *јер* – его связывают отношения не субъектно-предикатного типа. Сравним:

Кызынын машинадан түйшкен јерин энези билбеди ‘Места, где дочь=ее сошла с машины, мать=ее не знала’ (букв.: Дочь=ее с машины сошла место=ее (в.п.) мать=ее не знала). Отношения, о которых идет речь, можно представить следующей схемой:

$$N^1_{\text{род}} - N^2_{\text{исх}} - \text{Тв}=\text{прич.} - N^3_{\text{(притяж)}}=\text{винит} N^4 \Leftrightarrow N_{\text{фин}}$$

В данном примере N^1 – *кыз=ы* ‘дочь ее’, N^2 – машина, $\text{Тв}=\text{прич.}$ – причастие от глагола *түйш* = ‘спускаться’, N^3 – *јер=и* ‘место ее’ – определяемое имя, которое в предложении является прямым дополнением в составе базового предложения (...) *энези билбеди* = ‘(...) мать=ее не знала’.

Таким образом, в моносубъектных определительных полипредикативных конструкциях в плане содержания два общих предметных компонента: это, во-первых, субъект двух действий, общее подлежащее фразы, во-вторых – объект или обстоятельственный компонент, назван-

ный определенным именем. В предложении он выступает в той форме, которой требует от него конечное сказуемое. Имплицитный предикат “не состоявшегося” предложения, трансформировавшийся в причастие, может требовать как того же самого, так и другого падежа, но эта связь выражения не получает.

Когда такая ППК включается в еще более сложное построение, финитное сказуемое определительной конструкции может принять и инфинитную форму. Например: *Киндик байагы јакишылашкан карган кызыл тыттын жаньнда адынаг тўжўп, онызын буулап койоло, тыттын коштойнда эттў тўнгёшкё отурып алды* (Каинчин) ‘Киндик остановил коня около (той) старой лиственницы, с которой он давеча здоровался, и, привязав его, рядом с лиственницей сел на удобный пенек’.

Здесь общий предметный компонент двух ситуаций – *тыт* ‘лиственница’. С нею Киндик здоровался, – эта роль должна маркироваться творительным падежом; около нее он остановился – эта роль в поверхностной структуре маркирована служебным именем *жаньнда*.

Еще примеры: *Бир катап тўнде уйуктап јаткан Маралды ззирик Курачы ойгозып, кой сойотон бычагын онын тўжине тўртўрип, соок ўниле айткан:...* (Кокышев) ‘Однажды ночью пьяный Курачы, разбудив спавшего Марала, приставив к его груди нож=свой, которым он резал овец, холодным голосом сказал:...’. Здесь определяемое имя – *бычак* ‘нож’ – прямой объект одного действия субъекта, Курачы, и одновременное – оружие другого его действия (*сой*= ‘резать’).

Если бы у слова *бычак* не было лично-притяжательного аффикса =*ын*, можно было бы допустить, что подразумеваемый субъект второго действия – не Курачы, а просто речь идет о ноже, которым режут овец. В этом случае фраза не была бы моносубъектной, но отношения определяющей и определяемой частей остались бы теми же. Второй глагол, *тўртўр*= ‘приставить’ стоит в деепричастной форме, подчиняясь конечному сказуемому – но это уже не имеет отношения к структуре определительной части конструкции.

Озогыда балдар барган ла јеринде јадатан эди (Кокышев) ‘Раньше девушки оставались жить там, куда вышли замуж’.

В поверхностной структуре слово *јер* ‘место’, в соответствии с требованием сказуемого *јат*= ‘жить’, маркировано показателем местного падежа. В структуре определяющей ПЕ роль этого слова требовала бы дательного-направительного падежа.

Кузьма Захарович кайкап, отурган јеринен табылу кёдўрилди (Укачин) ‘Кузьма Захарович, удивившись, медленно поднялся с места, на котором сидел’.

Здесь в поверхностной структуре падеж слова *јер* – исходный, в составе потенциального предложения оно имело бы форму местного падежа: где он сидел.

Сравним с приведенными примерами еще один тип моносубъектного полипредикативного предложения с определительной ЗПЕ: *Кече энгирде куучындашкан кижимниг бёрўгин таап алдым* ‘Я нашел шапку того человека, с которым вчера разговаривал’.

Здесь *куучындашкан кижим*=*м* – ‘человек, с которым я разговаривал’. Роль собеседника, соучастника действия, маркируется творительным падежом. Но в главной части слово *кижи* выступает в роли определения в составе изафетной конструкции: *кижи*=*м*=*ниг* *бёрўг*=*ин*, букв.: ‘человека=моего шапка=его’; это выражение, в свою очередь, является дополнением при глаголе *таап ал*= ‘найти’. В поверхностной структуре маркирована только роль определения (*кижи*=*м*=*ниг*) и прямого дополнения (*бёрўг*=*ин*). Роль собеседника (контрагента) формально никак не выражена, но, конечно, восстанавливается в процессе понимания фразы.

Во всех приведенных до сих пор примерах роль определяемого имени по отношению к двум глаголам, с которыми оно содержательно связано, была разной. Однако, по нашим наблюдениям, довольно типична и такая ситуация, которая характеризуется тем, что синтаксическая функция определяемого имени в составе главного предложения, выраженная формально, падежным аффиксом, совпадает с той функцией, которую это слово выполняет в семантической структуре придаточного (или выполняло бы, если бы это было самостоятельное предложение). Еще пример: *Арина кёктёп отурган кийимин туура чачала, кёзнёктёг карап ийди* (Кокышев) ‘Арина, отбросив в сторону одежду, которую она шила, посмотрела в окно’.

Здесь общее для двух частей подлежащее – слово *Арина* – входит в состав главной части, т.е. предшествует причастному определению. Перед нами полноценное придаточное. Определяемое имя, как и положено, оформлено посессивным (3 лицо) аффиксом винительного падежа ‘шила одежду=свою’. Этот показатель непосредственно диктуется переходным глаголом *чач*= ‘бросить’. Но этой же формы требует и глагол *кёктёп отур*= ‘шить’. Аналогичные примеры:

Эмди Тобочы јылдарга кёдўрип албай јўрген кабактарын саг ёрё

тыртак этирин, унчукты (Төлөсөв) ‘Теперь Тобочы, вздернув вверх брови=свои, которые несколько лет не мог поднять, заговорил’; *Марал түрүп салган кыл армакчыны канжаазынан чечеле, унчукнай, Курачыга тура берди* (Кокышев) ‘Марал, вынув из тороков волосяную веревку, которую (он) скрутил, молча кинул Курачы’; *Кижги бу ла көрүп жүргөн агаш-тажын, агын суузын кандый бир ыраак жерге жүрүп сананганда чек ле, жаш бала чилеп, эриге беретен эмес бе ди* (Төлөсөв) ‘Когда, находясь где-либо (в каком-нибудь месте) далеко, думаешь (вспоминаешь) реку=свою, горы и леса=свои, которые ты постоянно видел, совсем как малый ребенок скучаешь ведь’.

Предложения, содержащие причастный квазиоборот, как мне кажется, располагаются на границе между сложным и осложненным предложением. Окончательно их статус можно будет определять после специального исследования.

Подведу некоторые итоги.

Моя основная мысль состояла в том, что разделение всего множества предложений на два класса, простые и сложные, в равной мере как и на три класса, с выделением осложненных как промежуточных между простыми и сложными, полезно, как обобщающее представление, но оно недостаточно, так как нивелирует существенные различия между объектами анализа. Это влечет за собой искажение представлений об отношениях между синтаксическими формами, которые конституируют синтаксическую систему языка. Типология предложений должна строиться с учетом разных параметров, даже тогда, когда мы говорим о собственно структурной типологии, не касаясь ни коммуникативной, ни прагматической стороны.

“Синтаксическое пространство” предложений многомерно. Пока оно представлялось преимущественно как линейное – и то только в том случае, если принимается тезис о шкале “простоты – сложности”. До тех пор, пока мы исходим из представления о бинарно-привативной противопоставленности сложных предложений простым, мы вообще не можем перейти от “точечных” представлений к пространственным. Вводя понятие осложненного предложения – не как вида простых, но как особого, третьего типа конструкций предложения – мы задаем линию, шкалу. Но, разбираясь дальше в отношениях разных форм, соответствующих тому или иному градусу этой шкалы, мы должны будем переходить от линейного по меньшей мере к плоскостному, двухмерному пространству. Отношения между этими формами могут быть описаны с помощью целой системы противопоставлений и новых шкал.

На том материале, который был рассмотрен в этой статье, можно видеть такие “оси” как “вложение” (предикативный узел внутри другого предикативного узла), моносубъектности (общность субъекта при двух составах сказуемого, по-разному связанных между собой), “пересечение” двух конструкций, связанных с так или иначе выраженным референционным тождеством какого-то именного компонента, не обусловленное каким-то определенным отношением выполняемых им синтаксических функций. Я старалась показать, что моносубъектность является частным случаем такого “предметного пересечения” – это случай, когда общий компонент представлен подлежащим / субъектом обеих частей (или субъектом одного и объектом другого – страдательного глагола), а также и то, что во всех остальных случаях эти линии расходятся.

Можно ли применительно к рассмотренным конструкциям ставить вопрос о том, какая из них “сложнее”, какая “проще” другой? Вероятно, можно – но этот вопрос не должен быть единственным, на который нужно искать ответ. Более важная, но и значительно более сложная задача заключается в том, чтобы осмыслить и обобщенно описать качественные различия между разными типами конструкций предложения в рамках каждого класса, выделяемого по шкале сложности-простоты.